

И. Анненский

**Полное собрание
стихотворений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И11

И. Анненский
И11 Полное собрание стихотворений / И. Анненский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 126 с.

ISBN 978-5-4241-2902-5

И. Ф. Анненский (1855-1909) – один из бесспорных классиков серебряного века русской литературы. Его лирика предвосхитила многие новаторские поиски в развитии русской поэзии XXв. и оказала огромное влияние на творчество целого ряда поэтов. Своим учителем Анненского признавали Н. Гумилев, О. Мандельштам, А. Ахматова, Борис Пастернак, Георгий Иванов.

ISBN 978-5-4241-2902-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© И. Анненский, 2021

Иннокентий Анненский
Полное собрание
стихотворений

Тихие песни

«Из заветного фиала...»

Из заветного фиала
В эти песни пролита,
Но увы! не красота...
Только мука идеала

Никто

Поэзия

Над высью пламенной Синая
Любить туман Ее лучей,
Молиться Ей, Ее не зная,
Тем безнадежно горячей,
Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца,
Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаяньи святынь,
Искать следов Ее сандалий
Между заносами пустынь.

«Девиз Таинственный похож...»

Девиз Таинственный похож
На опрокинутое 8:
Она – отраднейшая ложь
Из всех, что мы в сознании носим.
В кругу эмалевых минут
Ее свершаются обеты,
А в сумрак звездами блеснут
Иль ветром полночи пропеты.
Но где светил погасших лик
Остановил для нас течение,
Там Бесконечность – только миг,
Дробимый молнией мученья.

У гроба

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый:
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.
Давно с календаря не обрывались дни,

Но тикают еще часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ подушка кислорода.
В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

Двойник

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.
В сомненьи кипит еще спор,
Но слиты незримой четою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.
Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний,
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.
Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...
И в мутном круженье годин
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

Который?

Когда на бессонное ложе
Рассыплются бреда цветы,
Какая отвага, о боже,
Какие победы мечты!..
Откинув докучную маску,
Не чувствуя уз бытия,
В какую волшебную сказку
Вольется свободное я!
Там все, что на сердце годами
Пугливо таил я от всех,
Рассыплется ярко звездами,
Прорвется, как дерзостный смех...
Там в дымных топазах запястий
Так тихо мне Ночь говорит;
Нездешней мучительной страсти

Огнем она черным горит...
Но я... безучастен пред нею
И нем, и недвижим лежу...

.....
На сердце ее я, бледнея,
За розовой раной слежу,
За розовой раной тумана,
И пьяный от призраков взор
Читает там дерзость обмана
И сдавшейся мысли позор.

.....
О царь Недоступного Света,
Отец моего бытия,
Открой же хоть сердцу поэта,
Которое создал ты я.

На пороге

(Тринадцать строк)

Дыханье дав моим устам,
Она на факел свой дохнула,
И целый мир на Здесь и Там
В тот миг безумья разомкнула,
Ушла,— и холодом пахнуло
По древожизненным листьям.
С тех пор Незримая, года
Мои сжигая без следа,
Желанье жить все жарче будит,
Но нас никто и никогда
Не примирит и не рассудит,
И верю: вновь за мной когда
Она придет — меня не будет.

Листы

На белом небе все тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.
Кружатся нежные листья
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Все то же наше чувство страха?
Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца, и нет начала
Тебе, тоскующее я?

В открытые окна

Бывает час в преддверьи сна,
Когда беседа умолкает,
Нас тянет сердца глубина,
А голос собственный пугает,
И в нарастающей тени
Через отворенные окна,
Как жерла, светятся одни,
Свиваясь, рыжие волокна.
Не Скуки ль там Циклоп залег,
От золотого зноя хмелен,
Что, розовея, уголек
В закрытый глаз его нацелен?

Идеал

Тупые звуки вспышек газа
Над мертвой яркостью голов,
И скуки черная зараза
От покидаемых столов,
И там, среди зеленолицых,
Тоску привычки затая,
Решать на выцветших страницах
Постылый ребус бытия.

Май

Так нежно небо зацвело,
А майский день уж тихо тает,
И только тусклое стекло
Пожаром запада блистает.
К нему прильнув из полутьмы,
В минутном млеет позлащеньи
Тот мир, которым были мы...
Иль будем, в вечном превращеньи?
И разлучить не можешь глаз
Ты с пыльно-зыбкой позолотой,
Но в гамму вечера влилась
Она тоскующею нотой
Над миром, что, златим огнем,
Сейчас умрет, не понимая,
Что счастье искрилось не в нем,
А в золотом обмане мая,
Что безвозвратно синева,
Его златившая, поблекла...
Что только зарево едва
Коробит розовые стекла.

Июль

Когда весь день свои костры
Июль палит над рожью спелой,
Не свежий лес с своей капеллой,
Нас тешат: демонской игры
За тучей разом потемнелой
Раскатно-гулкие шары,
И то оранжевый, то белый
Лишь миг живущие миры;
И цвета старого червонца
Пары сгоняющее солнце
С небес омыто-голубых.
И для ожившего дыханья
Возможность пить благоуханья
Из чаши ливней золотых.

2

«Палимая огнем недвижимого светила...»

Палимая огнем недвижимого светила,
Проклятый свой урок отлязгала кирьга
И спящих грабаров с землею сколотила,
Как ливень, черные, осенние стога.
Каких-то диких сил последнее решенье,
Луча отвесного неслышный людям зов,
И абрис ног худых меж чадного смешенья
Всклооченных бород и рваных картузов.
Не страшно ль иногда становиться на свете?
Не хочется ль бежать, укрыться поскорей?
Подумай: на руках у матерей
Все это были розовые дети.

1900

Август

1

Хризантема

Облака плывут так низко,
Но в тумане все нежней
Пламя пурпурного диска
Без лучей и без теней.
Тихо траурные кони
Подвигают яркий гнет,
Что-то чуткое в короне
То померкнет, то блеснет...
...Это было поздним летом
Меж ракит и на песке,
Перед бледно-желтым цветом

В увядающем венке,
И казалось мне, что нежной
Хризантема головой
Припадает безнадежно
К яркой крышке гробовой...
И что два ее свитые
Лепестка на сходнях дроз —
Это кольца золотые
Ею брошенных серег.

2

Электрический свет в аллее

О, не зови меня, не мучь!
Скользя бесцельно, утомленно,
Зачем у ночи вырвал луч,
Засыпав блеском, ветку клена?
Ее пьянит зеленый чад,
И дум ей жаль разоблаченных,
И слезы осени дрожат
В ее листьях раззолоченных,—
А свод так сладостно дремуч,
Так миротворно слиты звенья...
И сна, и мрака, и забвенья...
О, не зови меня, не мучь!

Сентябрь

Раззолоченные, но чахлые сады
С соблазном пурпура на медленных недугах,
И солнца поздний пыл в его коротких дугах,
Невластный вылиться в душистые плоды.
И желтый шелк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страдания...
Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в замороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

Ноябрь

Сонет

Как тускло пурпурное пламя,
Как мертвы желтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме
Все та ж сегодня, что вчера...
Одна утеха, что местами

Налет белил и серебра
Мягчит пушистыми чертами
Работу тонкую пера...
В тумане солнце, как в неволе...
Скорей бы сани, сумрак, поле,
Следить круженье облаков,—
Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым...

Ветер

Люблю его, когда, сердит,
Он поле ржи задернет флером
Иль нежным летом бороздит
Волну по розовым озерам;
Когда грозит он кораблю
И паруса свивает в жгуты;
И шум зеленый я люблю,
И облаков люблю лоскутья...
Но мне милей в глуши садов
Тот ветер теплый и игривый,
Что хлещет жгучею крапивой
По шапкам розовым дедов.

Ненужные строфы

Сонет

Нет, не жемчужины, рожденные страданьем,
Из жерла черного метала глубина:
Тем до рожденья их отверженным созданьям
Мне одному, увы! известна лишь цена...
Как чахлая листва пестрима увяданьем
И безнадежностью небес позлащена,
Они полны еще неясным ожиданьем,
Но погребальная свеча уж зажжена.
Без лиц и без речей разыгранная драма:
Огонь под розами мучительно храним,
И светозарный бог из черной ниши храма...
Он улыбается, он руки тянет к ним.
И дети бледные Сомненья и Тревоги
Идут к нему приять пурпуровые тоги.

В дороге

Перестал холодный дождь,
Сизый пар по небу вьется,
Но на пятна нив и рощ
Точно блеск молочный льется.

В этом чаяньи утра
И предчувствии мороза,
Как у черного костра,
Мертвы линии обоза!
Жеребячий дробный бег,
Пробы первых свистов птичьих
И кошмары снов мужичьих
Под рогожами телег.
Тошно сердцу моему
От одних намеков шума:
Все бы молча в полутьму
Уводила думу дума.
Не сошла и тень с земли,
Уж в дыму овины тонут,
И с бадьями журавли,¹
Выпрямляясь, тихо стонут.
Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть...

Среди нахлынувших воспоминаний

1

Перед закатом

Гаснет небо голубое,
На губах застыло слово;
Каждым нервом жду отбоя
Тихой музыки бывшего.
Но помедли, день, врачуя
Это сердце от разлада!
Все глазами взять хочу я
Из темнеющего сада...
Щетку желтую газона,
На гряде цветок забытый,
Разоренного балкона
Остов, зеленью увитый.
Топора обиды злые,
Все, чего уже не стало...
Чтобы сердце, сны бывые
Узнавая, трепетало...

2

Под новой крышей

Сквозь листву просвет оконный
Синью жгучею залит,